

ХОЛЕРА В ОДЕССЕ

Один из ярких эпизодов своей «политехнической жизни» я бы назвал **«Холера в Одессе»**. Представьте, это не просто шутка, это целая трагикомедия! Лето 1970-го я проводил на базе отдыха Одесского политеха, в Каролино-Бугазе под Одессой. Тогда это было прекрасное малообжитое место, с огромными песчаными пляжами (ну прямо-таки Копакабана-2), на которых даже две сотни загорающих студентов были малозаметны. Там я сдружился с московской студенткой Ингой (её бабушка была финкой – отсюда «нестандартное» имя) и был вполне счастлив. Так как в Одессе проживала куча моих родственников, я по воскресеньям ездил рейсовым автобусом в Одессу их навещать (иначе обид не счесть!). Каково же было моё удивление, когда во время очередной воскресной поездки наш автобус остановили какие-то странные милиционеры с автоматами в руках (это сейчас такими милиционерами никого не удивишь – тогда это было сенсацией!) и, переговорив с водителем, завернули нас обратно. Уже днём по лагерю поползли слухи, что в Одессе эпидемия холеры. Дальше события развивались по сценарию этой самой трагикомедии. На следующее утро несколько десятков автобусов в окружении всё тех же автоматчиков вывезли из окрестных пионерлагерей всех детей; мы в Каролино-Бугазе остались совершенно одни – больше никаких баз отдыха, кроме детских, в то время вокруг нас не было. Вечером приехал военный вездеход, на выходе из нашего лагеря поставили солдата-часового, а на пляже установили...пулемёт! Честное слово! Чапаев отдыхает! Нам сказали, что из-за холеры купаться в море запрещено. Потом закрыли столовую. Потом исчез весь персонал нашей базы отдыха. Некоторое время работал буфет, но разве может буфет прокормить двести молодых ртов (впрочем, "ртов" осталось человек 60 – все, кто жил в Одессе и области разъехались по домам – всё равно там уже была холера, а вот нас, иногородних, развозить холеру по стране «не пущали»). Потом из буфета исчез хлеб, потом колбаса, потом всё остальное; потом закрылся и буфет – начался голод и надо было что-то делать. На 60 оставшихся человек было всего 12 ребят (из них трио из Подмосковья беспробудно пили с первого дня пребывания, ни закусками, ни тем более девочками в упор не интересуюсь), остальные – девушки; если бы это был нормальный отдых, такому раскладу позавидовал бы сам Казанова! Но нам, оставшейся дюжине, надо было кормить лагерь. Рядом была бахча со свирепой охраной. Как-то раз, «до холеры», несколько добровольцев попытались подобраться к краю, но их обнаружили и прогнали. Мы вооружились палками и «в одну шеренгу по двенадцать» солнечным утром двинулись на бахчу. Что вам сказать – враг был повержен! Тем более, как оказалось, эти арбузы всё равно никуда вывозить нельзя, так что

охрана (тоже иногородняя, молдавская) была нам даже рада. Мы переместились на бахчу – там мы загорали и ели арбузы и дыни. Наши почки работали, как насосы гидроэлектростанции. Вдруг однажды мы увидели мчащегося к нам дежурного по лагерю (мы оставляли там пару человек – не для охраны, конечно, а для возможных новостей из Одессы), всклокоченного и с выпученными глазами. Добежав до нас, он несколько минут хватал ртом воздух, а потом выдавил: "Буфет... открылся...". – "Ну и...?" – вяло отреагировали мы. – "Там... икра... красная..." – выдохнул он. – "Ага, а как насчет ананасов?" – ядовито поинтересовались мы. Но в лагерь пошли. Оказалось, в буфете (из которого вывезли не только мебель, но и тарелки с ложками и вилками!) появилась красная икра из Астрахани, где тоже была холера (и, значит, икру нельзя было ни вывозить, ни продавать), а также сгущенка одесского молокозавода (по тем же причинам). Каждому из нас выдавали на день три банки сгущенки и 100 граммов (!) красной икры. Так мы это всё и ели – икру со сгущёнкой (ни хлеба, ни чего-либо другого по-прежнему не было). Ну, в каком занюханном Париже вы еще найдёте такое изысканное меню!

Эта лафа продолжалась всего три дня: в одно далеко не прекрасное утро к нашей базе подогнули три автобуса с охраной и вывезли нас в Одессу, в профилакторий политеха. Там нам объявили, что мы будем 6 дней пить антибиотики, после чего сдадим анализ и, если всё о'кей – нас отправят по домам. Каждую новую группу селили на верхний этаж, и охрана ходить по этажам не давала (ведь ниже этажом жила предыдущая группа, которая уже пила этот антибиотик 2-3 дня и, значит, была «здоровее» нас). Шесть дней мы пили таблетки по 4 раза на день (трое тех парней продолжали пить водку – и где только они её брали в условиях круглосуточной охраны?), и все мы отчаянно скучали. Зато потом развеселились, ибо настала пора сдавать анализ (как выяснилось – кала). Оказалось, что анализов этих по городу Одессе – огромный объём, санэпидстанции (СЭС) работают круглосуточно и всё равно не справляются. Поэтому было решено (видимо, на бюро Одесского горкома КПСС – где ещё могли придумать такой бред!): «делать» по десять человек в одну баночку и так сдавать анализы в СЭС! Это было просто и гениально – объём анализов сразу сократился в 10 раз! А как же, мать вашу, эти 10 человек будут складывать свой кал в эту проклятую баночку? – завопили мы. – А как хотите! – А что будет, если там обнаружат вибрион? – А всех 10 в изолятор на 40 дней! Знай наших! Я тут же организовал экстренный выпуск стенгазеты «Вдесятером в одну баночку, не считая собаки» (по мотивам повести Джером К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки»), а также переделал песню Высоцкого:

“Если друг отказался вдруг
в свою банку пустить подруг,
если сразу не разберёшь:
не живёт ли в нём вошь –

парня в банку возьми – рискни,
пусть предъявит свой кал, нахал,
будет в банке с тобой одной –
в СЭС поймут, кто такой..." -

и все её распевали. Но «кроме шуток» все стали подозрительно оглядывать друг друга – брать его «в свою баночку» или нет? И вот тут мой взор остановился на трёх лыка не вяжущих «подмосквичах» – ибо мне вдруг стало совершенно ясно, что в их намертво проспиртованных организмах никакой холеры даже теоретически быть не может; более того, если к любому из них в желудок заползёт гадюка – даже она немедленно подохнет в страшных судорогах! Мы с Ингой пристроились к ним в баночку и не прогадали – всё прошло «на ура». Потом нас (также под охраной) отвезли в аэропорт, и тут наши пути разошлись – Инга сразу попала на московский рейс и улетела, я ещё несколько часов ждал рейса на Донецк. Я был дико голодным (в аэропорту все буфеты были закрыты), в самолёте было очень душно, и когда наш АН-24 взлетел, меня начало «укачивать». Наконец самолёт сел в Донецке, и я вышел на свежий воздух. Но, увы, это было ещё не всё – я увидел, что нас посадили вдали от аэровокзала и что к нам подходят какие-то люди в белых халатах с чем-то вроде огнетушителей в руках. Пока я тупо соображал, ко мне подошла молоденькая симпатичная медсестра и с очаровательной улыбкой обдала меня с ног до головы какой-то зловонной дезинфицирующей жидкостью. Это было уже слишком – и меня, к моему стыду, немедленно «вывернуло» прямо на ошалевшую медсестру. Так закончилась моя одесская холера...

Впрочем нет, было продолжение. Когда в декабре того же «холерного» года я приехал по делам в Москву, то позвонил Инге и мы встретились. Я издали увидел её долговязую фигуру в длинной шубе (Инга была на полголовы выше меня) и кинулся навстречу с купленными заранее цветами. Мы несколько часов бродили по Москве, периодически забегая в кафе погреться, обсуждали последние литературные и киношные новинки, с хохотом вспоминали «одесскую холеру», и говорили, говорили. В Москве стоял чудовищный мороз, градусов, кажется, тридцать (сперва я отморозил себе всё, что было можно, потом – всё, что было нельзя), но было солнечно, шел лёгкий искрящийся снежок:

**И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом,
И, внезапным согретый лучом,
Снежный прах так тепло серебрится.**

(Это Ахматова). Потом Инга сказала, что у неё есть жених, она на Новый год выходит замуж и это наша последняя встреча. Мы поцеловались, и она навсегда исчезла из моей жизни. Вот это и был «окончательный московский конец» одесской холеры!